

III. Закариадзе — Лир

ДОРОГА из Кутанси в Маяковский шла заповедным Кабаньим лесом, где, по преданию, охотились грузинские цари. Освещенный полуденным солнцем, картинный и декоративный лес казался торжественным вступлением к романтическому селению, где у подножия доброй горы, на виду у веселой и ласковой речки Ханис-Цхали стоит непростой дом, давший жизнь великому поэту.

Есть что-то бессердечное в мемориальных квартирах, где и вещи нередко не те, что были при жизни владельца, и все чинно, ненатурально, неживо, а целые комнаты заняты, хотя и познавательными, но до одури типовыми выставками. Но волнуешь встреча с детством великого и любимого человека, живыми, объемными становятся образы, воссозданные им из той поры, — здесь раскрывается их сокровенный смысл, здесь прикасаешься к истокам творчества.

Дыхание времен сливается с твоим дыханием, очищенный влагой взор видит далеко-далеко, и, кажется, вот он, красавец-человек идет в гору, поглядывая на родительский дом, на «Грузию, радостный край», и слышишь его бархатисто-громовый голос:

Лениво
от жизни
взбираясь ввысь,
гитарой
душу отверз —
«Мхолот шен эртс»
рац, ром чемтвте
Моуция
маглидган гмертс...*

И еще ближе становится Грузия, ее ликующая природа, мудрый и добрый ее народ, ее поразительно талантливые художники. С одним из них я сразу же сталкиваюсь после приезда из Маяковского: Закариадзе играет Лира.

Сегодня Закариадзе знает весь мир, его игра в фильме «Отец солдата» произвела неотразимое впечатление. Но еще вчера Закариадзе был известен москвичам, только как блестящий исполнитель Эдипа и Прорицателя («Бахтриони»). Однако в активе его «позавчера» 35 лет жизни в искусстве. То, что он делал сначала в Театре им. Марджанишвили, а затем в Театре им. Руставели, необычно, интересно, самобытно. Его талант, составленный из органического сплава врожденной способности к подражанию природе, громадного труда над каждой ролью и пылливой мысли, проникающей в истоки и процессы сущего, приумножил славу грузинского театра.

Он не сразу набрал высоту, бывали и снижения, но не потому, что не хватало сил, наоборот, избыток сил приводил иногда к «перегрузкам»; роль, насыщенная не по емкости, расширялась на всю сцену, затеняя собой другие.

Закариадзе работал с многими режиссерами. Несомненно, его оплодотворяла режиссерская мысль, но никогда не подчиняла режиссерская воля. Вспоминаю многие спектакли с участием Закариадзе, я думаю, что он сам режиссировал свои роли, нередко подчиняя, скажем мягче, направляя весь спектакль.

Обратите внимание, как сплавлены в роли Махарадзиди драматизм, восходящий к трагедии, с лирическим проникновением в душевные глубины,

а философское осмысление действительности насыщено народным юмором так, что даже в минуты, когда Махарадзиди овладевает гневом, где-то в «подкорке» образа вспыхивают искорки мудрой иронии. Обратите внимание на все это, и вы поймете, почему Закариадзе стал актером без ампулы, почему неисчерпаемы его возможности, почему ему доступны все краски искусства.

И действительно. Вот уж, кажется, нашел себя актер в таком шедаре, как Тиниге Утургаули из «Лавины». Этаким червяк! Перевернувшись наизусть, не только не погибнет — будут два Тиниге гадить людям, жадная все забрать для себя, тихохонько подползая к жертве на мохнатом брюшке, да еще обернутом в тряпочку... И в это же время Закариадзе соиздает по-настоящему героический, хотя и строго очерченный образ с виду сурового, но полного душевности к людям секретаря райкома Джапаридзе.

Очень соблазнительно сопоставить гольдониевского Рипафратта, погодинского Рыбакова, Хиггинса, сочиненного Шоу, с Уриэлем Ахостой, Василием Шуйским, а их — с доб-

с козьей шкурой на плечах он походил на свана или хевсура. Не спеша обошел он сцену, кинув взгляд исподлобья на всех, а в глазах его, пытливых и зорких, будто кинолента, двигалась смена впечатлений от каждого. И потому ли, что сам он был в добром настроении, которое овладевает человеком, трудно решившимся на нечто большое и невиданное, или в его глазах задержалось отражение любезной сердцу Корделии, но на трон из замшелого камня, устланного шкурами, он опустился просветленный и улыбающийся.

Однако немало иронии было в этой улыбке: а, ну-ка, поглядим, каким добром ответят мне на добро... Но без всякой иронии и без надменности властителя, снисходящего до малых сих, вполне естественно, в гармонии с внешностью, с мудрым, ласковым взглядом философа, поднявшегося выше примитивных страстей, он произнес:

— Ярмо забот мы с наших дряблых плеч

Хотим переложить на молодые
И доплестись до гроба налегке.

Глядя на Закариадзе, восторгаясь его мастерством и той поразительной

ИЗ ГРУЗИНСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

родушнейшим дядей Мишей, дворовым сапожником, или гротесков-клоунадным воплощением фашизма, Бак-Баком. Все это играл Закариадзе и не по прихоти корифея, а по потребностям художника и по возможностям таланта. Об этом надо говорить особо и подробно. Хочу лишь подчеркнуть, что и в одном, отдельно взятом ампуле он всегда находит совершенно разные краски; оставаясь, как и всякий яркий талант, самим собой, он перевоплощается в образ до предела возможности. Но это не значит, что актер только «влезает в чужую шкуру», всякий раз он создает новую художественную систему.

Я много и подолгу бывал в галерее Нико Пироманишвили и всякий раз пытался представить себе, каким был этот гениальный самоучка, до старости оставшийся естественным, гармоничным, по-детски чистым выразителем природы. Но только в образе, созданном Закариадзе, в этом воплощении великой любви к людям, со столь же великой скорбью о несовершенстве мира, я наконец увидел, каков он, гениальный грузин, во плоти и крови. И теперь по-другому смотрю на картины Пироманишвили, они для меня озарены светом образа, созданного замечательным артистом.

И вот Лир. Я иду смотреть Лира прямо из галереи Пироманишвили, пытаюсь в малом промежутке времени угадать, каким будет Лир у Закариадзе. И, странное дело, в моем воображении, как на экране, возникает многократная экпозиция, и на привычный образ короля Британии почему-то накладывают и Нико Пироманишвили, и Георгий Махарадзиди, и лучистый добряк дядя Миша, и суровый добряк Минаго, потерявший на войне троих сыновей...

Может ли быть такое? Отвечаю в шутку самому себе: все может быть. Мог же Шекспир пренебречь историческими фактами и превратить раздробленную Британию в единое государство Лира и, смешав разные эпохи, создать и Бургундское герцогство, и Французское королевство. Все может быть, если Генри Ирвинг, играя Лира, изображал его пьяным, ибо иначе не мог оправдать раздел государства, а другие великие актеры оправдывали это или старческим сумасбродством, или властительным эгоизмом. А Соломон Михоэлс разворачивал во всей силе и красе великий философский опыт психологического исследования человеческой природы.

...На сцену вышел крестьянский царь, патриарх племени, глава рода, первый среди равных, ничем не отличающийся от окружающих. В синей посконной рубахе и штанах, заправленных в высокие меховые постолы,

последовательностью и логикой, с которой он проводил свой замысел, я мог соглашаться или не соглашаться с его концепцией, мог находить в ней какие-то отступления от Шекспира. Но не надо было ни кривить душой, ни вводить в концепцию, чтобы признать вполне естественным желание Лира в свои восемь десятков лет сбросить ярмо забот на молодые плечи. Обычно этот мотив как-то проходит мимо исполнителей, теряется в неистовстве громадных и бешеных Лиров. Ну, а на самом деле? Кто сказал, что Лир не по-доброму разделил свое царство? Многие актеры не могли свести концы с концами из-за того, что не верили в желание Лира сбросить ярмо забот. Поэтому первая сцена не прожилась, а проигрывалась только как предлог для концепции.

Закариадзе ведет сцену раздела королевства в том спокойствии, в том равновесии духа, которые приходят с мудростью, порожденной долгим жизненным опытом, полным преодолением. Он так высок, не самом, но духом, что может позволить себе быть добрым. Он столько прожил и пережил, столько видел и хорошего, и плохого, что ему власть, что лишний кусок, ему и царства не жалко!

Даже ответ Корделии не сразу доходит до его сознания — он недоверчиво улыбается, оглядывая окружающих, будто призывает их разделить с ним удовольствие от остроумия любимой дочери. Только уверившись, что это не шутка, мрачнеет и гневается, но без волеи, тоном человека, глубоко уязвленного, неожиданно разочаровавшегося, но уже не терпящего возражений.

Не себе, другим открывает Лир тайну человека и человечности. Да, он мало думал о бедняках, застигнутых непогодой, но он смело может сказать: «Я не так перед другими грешен, как другие — предо мной». У Шекспира нет и намека, что Лир был тираном, его гнев против Корделии, как и против Кента, естествен для его положения. Безнравственность злодеев сильнее оттеняет истинную незлобность Лира, ведь он лишь говорит о мести дочерям, но там, где любой оскорбленный тиран нашел бы форму расплаты, Лир, лишенный опыта злости, только рыдает. Как всякий уязвимый человек, он теряется перед подлостью.

Лир — Закариадзе заносит руку над Корделией, он даже дает пощечину Регане. Но как часто в нем проявляется любовь к дочерям. Даже в припадке гнева он мешает проклятья с лаской, угрозы с мольбами. «Я не браню тебя. Пускай в тебе когда-нибудь самой проснется совесть. Я стрел не кличу на твое чело».

Тема обманутого доверия, распотанной любви, чудовищного надругательства над всем святым, над добротой и человечностью широко и полифонично звучит в партитуре образа, созданного Закариадзе. Поразительным лиризмом пронизаны такие сцены, как встреча Лира с бедным Томом; тишайший, проникновеннейший суд над дочерью; пробуждение, когда его блуждающий взгляд падает на Корделию и озаряется добрым светом; потрясающий выход с мертвой Корделией; прекрасный финал, когда он, сидя на каменном троне, с бездыханной Корделией на руках, засыпает вечным сном.

Эта сложная простота решения кажется мне весьма художественной и современной. Можно обнаружить, где концепция Закариадзе идет по касательной к Шекспиру, но нельзя не порадоваться тому, что трагедия Лира максимально приближена к зрителю, что создается сильный идейно-художественный эффект: через полное сочувствие к доброте, сильное и все нарастающее негодование, сопротивление злу. Мне не доводилось видеть столь доступного, столь близкого зрителю Лира.

В спектакле руставелиевцев звучит обобщенная и глубокая мысль о несовершенстве, о противоестественности того мира, в котором добро неизбежно отдало на произвол злу, оставаясь, однако, непобежденным и в конечном счете торжествующим победой. Эта мысль идет от Шекспира, утверждая одновременно мудрые слова Сулхан-Саба Орбелиани: «Недоброму и злему делу — недолгий и дурной конец».

Ставил спектакль режиссер Д. Туманишвили, известный своим стремлением к поискам современных выразительных средств, к углублению психологического рисунка, к сосредоточенности на внутренней жизни за счет внешнего темперамента, характерного для национального стиля.

Оформлял постановку молодой даровитый художник К. Игнатов. Судя по его двум работам, с которыми мне довелось познакомиться, он стремится к лапидарности и к обобщенным формам, соответствующим духу произведений.

Музыка написана Отаром Тактакишвили, автором прославленной оперы «Миндия», мелодистом широкого распевного стиля, владеющим монументальными формами.

Я не назвал бы постановку завершенной, слаженной. Хочется возразить по поводу некоторых купюр, нечеткой композиции отдельных кусков, недостаточного накала страстей там, где они предопределены Шекспиром, что объясняется и подчеркнутой добротой Лира, которая иногда не может вызвать резко конфликтного отклика, и обычным стремлением Туманишвили смягчить национальный темперамент актера, обратить его во внутренний мир человека — роли. Так продолжение достоинств оборачивается недостатками...

Но спектакль весь впереди. Многие скажут, в нем, когда Закариадзе, как это бывает с мыслящими художниками, дорисует образ и сложное вычленил диалектику Лира, чем вызовет более сильный отклик у своих партнеров.

Как бы то ни было, еще одно большое событие состоялось в театральной жизни Грузии: Серго Закариадзе создал своего Лира! Хороший подарок зрителям, достойный ответ на Ленинскую премию, только что полученную за роль Георгия Махарадзиди в фильме «Отец солдата», а по существу, за всю большую и плодотворную жизнь в искусстве этого необыкновенного человека и артиста, выдвинутого кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

М. ЛЕВИН.
ТБИЛИСИ.

* Из народной грузинской песни «Тебе одной все, что дано мне с высот богов».